* * *

Ну и что с того, что больше нет
по соседству здесь, на Костякова,
магазина под названьем «Свет»?
Вроде как бы ничего такого.

Ведь не отразился этот факт
на международной обстановке,
не хватил трамвайщицу инфаркт
без одноимённой остановки.

Только вот, спеша и всё круша,
позабыли скромного поэта –
не спросили, как его душа
обойдётся, бедная, без света.

* * *

Приснился мне опять тот автосклад в Беляево...
Тоска давно прошла, зато возник азарт:
кто победит кого – меня он или я его,
расставшись наяву семнадцать лет назад.

Коль одолеет он – во сне поддавшись панике,
пущусь я по рядам кружиться от балды,
и образы людей в моих ячейках памяти
заменятся тогда на диски и болты.

Но если лабиринт когда-нибудь окончится,
пусть выведет меня наивной веры нить,
туда, где прежде был, где быть нельзя, а хочется,
чтоб молодость вернуть, чтоб мёртвых воскресить.

* * *

О, дивное свойство стихов! С полуслова
ты можешь продолжить их снова и снова,
пока не поднимутся солнцем в зенит,
когда вдохновение вновь осенит.

Вот если бы так – по чуть-чуть, осторожно,
судьбу исправляя, и жизнь было можно
растягивать вечно, чтоб, хрупок и мал,
высокий в ней смысл до конца вызревал!

А мне, черновые истратив тетради,
приходится жизнь уподобить тираде,
и не отвлекаясь теперь ни на миг,
её непонятный писать беловик.

* * *

Живописны закаты, эффектны восходы,
но художники их повторяют давно,
а в запасе чудес есть у русской природы
то, что выразить только стихами дано.

Между тем наблюдателем был я пассивным,
на высоты за рифмой годами не лез,
и пейзажная лирика вдруг не по силам
оказалась, когда обуял интерес.

Нет, не справиться мне со словесной картиной!
Даже этот пустой Ленинградский проспект
в середине апреля, в Москве карантинной,
видно, так и останется мной не воспет.

* * *

Всё-таки весна пробилась в город:
вот уже во мне, как и окрест,
хоть ещё не грянул майский гогот,
с каждым днём слышней её оркестр.

Начинавший медленным стаккато,
понапрасну душу бередя,
он теперь убыстрился стократно,
к беглому аллегро перейдя.

Будто у восьмых на нотном стане,
появились крылышки у чувств,
и, поддавшись трепетной их стае,
тяжело я лёгкости учусь.

Прежде чем раскатами симфоний
зазвучит распахнутый клавир,
словно в газированном сифоне,
колобродит музыка в крови.

СОНЕТЫ АНТОНИО ВИВАЛЬДИ К ЦИКЛУ «ВРЕМЕНА ГОДА»

ВЕСНА

Весна пришла. Вновь птицы гомонят,
галдят, поют среди земного рая,
где с видом расшалившихся наяд
ручьи бегут, журча, в лучах играя.
Сияет лес. Вдруг небо, потемнев,
ниспосылает молнии и громы.
Но так притворен краткий этот гнев!
Опять всё мирно. И в объятьях дрёмы
забылся беззаботно пастушок.
Разнежился он, как лесной божок,
и видит сон, с овчаркой лёжа рядом:
на берегу ручья, достав рожок,
играет он собравшимся в кружок
заворожённо внемлющим наядам.

ЛЕТО

День душный, знойный, как жаркое подан.
Природе солнце напекло чело,
и кажется, что в этот сонный полдень
ей дела больше нет ни до чего.
Но вот прервался мерный счёт кукушки,
вверх поглядел испуганно пастух,
а там, задев деревья за верхушки,

пронёсся в небе разъярённый дух.
Забудешь ты глядеть и думать смело,
когда гроза над пажитью взревела,
когда над головой разверзся ад!
Как будто в стену был заложен порох
и должен взрыв похоронить упорных, –
в полях пшеницу накрывает град.

ОСЕНЬ

Тишь в лесу, прохлада и сиянье.
А сойдёшь с лесной опушки вниз –
веселятся у реки селяне,
потчует их соком Дионис.
Гость, пришедший в праздник урожая,
он Деметры отворяет храм
и стоит, кувшин изображая,
или чашей ходит по рукам,
но никто не узнаёт в нём бога.
Чу! – вдали раздались звуки рога,
лай собак, что изъявляют прыть.
Рог одну тревожно тянет ноту.
С егерями герцог на охоту
едет зверя гончими травить.

ЗИМА

Рукавом прикрыв лицо
с подмороженною кожей,
очень резвою рысцой
в кабачок спешит прохожий.
Вот растопленный очаг
подогрел кувшинчик грога,
и запрыгала в очах
снова сельская дорога.
Поскользнулся, наземь бух!
Головой в сугроб – не об пол.
Перевёл маленько дух
и домой опять потопал.
Символически зимой
обновился круг земной.